

На правах рукописи

Грибовский Михаил Викторович

**ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС
ИМПЕРАТОРСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА. 1884 г. – ФЕВРАЛЬ 1917 г.**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2018

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Фоминых Сергей Федорович

Официальные оппоненты:

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа исторических наук, ординарный профессор

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований, директор

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», кафедра всеобщей истории, профессор

Ведущая организация:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Защита состоится 19 октября 2018 года в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:

<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/GribovskiyMV19102018.html>

Автореферат разослан « ____ » августа 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

Шевцов
Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и значимость темы исследования. Университетский профессорско-преподавательский корпус – особая социальная категория российского общества, которая, несмотря на относительную малочисленность, уже начиная с XIX столетия играла заметную роль в жизни России, нередко выступая маркером, а то и локомотивом происходивших в государстве и обществе политических, социальных и культурных процессов. Осознание своих интеллектуальных компетенций позволяло университетским преподавателям претендовать на активное участие не только в образовательной и просветительской деятельности, но и в общественно-политической деятельности. Более того, именно в университетах – при всём их трепетном отношении к традициям и «классичности» – во многом формировались новые общественные практики: выборность руководящих органов, коллегиальность принятия решений.

Обращение к проблеме анализа профессорско-преподавательского корпуса как социальной группы имеет многофакторное значение.

С одной стороны, оно позволяет заполнить один из пробелов в комплексном анализе социальной истории России рубежа XIX–XX вв. Рассматриваемый период – время попыток проведения очередной российской модернизации, причем как «сверху» (ускоренное развитие страны в условиях отмененного крепостного права и других реформ, инициированных в 1860-е – 1870-е гг.), так и «снизу» (Первая русская революция, детерминировавшая назревшее обновление политической системы).

В начале 2010-х гг. в российском обществе (во многом по инициативе властей) развернулась, несколько теперь угасшая, дискуссия о модернизации. Однако реальной актуальности эта дискуссия не утратила: Россию, непременно, ожидают новые эволюционные или скачкообразные модернизации. В этом свете заявленная тема приобретает особое звучание, так как обращение к ней позволяет раскрыть роль университетского сообщества в модернизационных процессах вековой давности, выявить модернизационный потенциал Университета, что вполне может оказаться востребованным при актуализации модернизационных сценариев.

К затронутому выше аспекту примыкает еще один. Конец XIX – начало XX в. – время становления в России гражданского общества, для которого характерны низовые формы самоорганизации, гражданские, идущие «снизу», инициативы. Университетские преподаватели, несомненно, были одной из немногих категорий российского социума, готовых – в интеллектуальном и практическом отношении – к построению основ такого общества. На это указывают практики самоорганизации профессоров в различные «Союзы» и «Общества» с целью защиты своих интересов, просветительские инициативы, шедшие из Университета. Нужно ли подчеркивать, что вопрос о месте гражданского общества далеко не решен в современной России. В этом отношении опыт университетской профессуры столетней давности весьма ценен.

С другой стороны, процессы, протекающие в современной высшей школе, также актуализируют внимание к историческому опыту бытования отечественных

университетов, тем более, что многие аспекты функционирования университетов и профессиональной деятельности дореволюционной университетской профессуры весьма созвучны нашим дням. Как сто лет назад, так и сейчас, высшую школу волнуют модель отношений с государством (проблема автономии и академической свободы), оптимальный механизм оплаты труда преподавателей, организация академической мобильности, вопросы научно-педагогической аттестации (достаточно указать на то, что, не утихавшая весь рассматриваемый в диссертации период дискуссия о необходимом и достаточном количестве ученых степеней, регулярно всплывает и в начале XXI в. и до сих пор не считается закрытой). Уверенное оперирование историческим опытом позволит современным чиновникам от образования экономить интеллектуальные силы, не повторять уже пройденные пути и принимать более взвешенные управленческие решения.

Наконец, еще один аспект, раскрывающий актуальность темы, связан с местом учащейся молодежи в университете и – шире – с молодежной политикой вообще. Рассматриваемый в диссертации период – время глубокого кризиса не только в отношениях между студенчеством и властью, но и между студентами и профессорами.

Этот кризис проявлялся в разрыве между представлениями студентов, профессоров, университетской администрации, политических властей о правах и возможностях учащихся в университете; ограничениях для легального проявления студенческой самоорганизации, де-факто имевшей место; радикальной политизации студенчества. Современники пытались решать эти проблемы по-своему, исходя из исторических реалий: от введения профессорского дисциплинарного суда и института кураторов до широко распространившейся благотворительной деятельности профессоров в пользу студентов. С этим аспектом связан актуальный материал, который позволяет ответить на вопросы о том, какими были и могут быть модели отношений между профессурой и студенчеством, какой в условиях студенческих протестов может быть неудачная, или, напротив, оптимальная тактика профессуры, университетской администрации, властей различного уровня.

Завершая тему постановки проблемы и обоснования её актуальности и значимости, остановимся еще на двух обстоятельствах.

Одно из них связано с ответом на вопрос, почему предметом настоящего исследования избран именно университетский профессорско-преподавательский корпус при наличии в России рубежа XIX–XX вв. преподавательских кадров специальной (военной, инженерной, медицинской, духовной и пр.) высшей школы.

Во-первых, при наличии профессоров и преподавателей высших учебных заведений иных категорий университетский профессорско-преподавательский корпус продолжал занимать наибольшую долю среди всех остальных преподавателей системы высшей школы Российской империи¹. А, во-вторых,

¹ При этом в силу процессов усложнения и дифференциации отечественной высшей школы удельный вес университетских преподавателей имел тенденцию к уменьшению: с 50 % от общего числа вузовских преподавателей в начале рассматриваемого периода к 30 % в конце.

университетское преподавательское сообщество, в отличие от сообществ специальных учебных заведений носило (и продолжает носить) междисциплинарный характер. Существование под одной крышей представителей гуманитарных, естественных, точных наук всегда придавало университетскому корпусу важное, уникальное, свойство, оказывавшее влияние на его облик, и важное для понимания особенностей интеллектуальных сообществ.

Второе обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, касается используемых терминов. В заглавие настоящего исследования вынесено понятие «корпус». В литературе встречается обоснование, возможно, более корректного использования слова «сословие»: авторы называют этот термин «документальным» и в некотором смысле, противопоставляя его «западному» термину «корпорация», полагают, что он «довольно точно передает специфику солидарности и принципы группообразования университетских людей в России»².

По нашим наблюдениям, в конце XIX – начале XX в. официально термин «сословие» в указанном смысле – по отношению к университетским кадрам – уже не применялся. Зато довольно часто сами профессора употребляли слово «коллегия».

Отдельно стоит остановиться на уже упомянутом термине «корпорация». В лексиконе рассматриваемого периода он также, зачастую, использовался профессурой для самообозначения, при этом предполагал исключение из круга внештатных «младших преподавателей».

Полагая понятие «корпус» вполне нейтральным и подходящим для атрибутики представителей отечественной высшей школы, будем использовать его как базовое, хотя в основном тексте диссертации считаем допустимым чередование таких понятий, как «кадры», «коллегия», «коллектив», «корпорация», «корпус», «сообщество».

Итак, резюмируя выше сказанное, можно констатировать, что актуальность темы настоящей диссертационной работы, в которой раскрывается проблема бытования интеллектуальных сообществ России в позднеимперский период, вытекает из специфики рассматриваемого исторического периода и большого числа исследуемых аспектов существования университетского профессорско-преподавательского корпуса и университета в целом, которые чрезвычайно важны для понимания современных явлений в высшей школе и управления ими.

Научная значимость темы исследования определяется тем, что в диссертации реконструируется история профессорско-преподавательского корпуса российских университетов конца XIX – начала XX в. как специфической социально-профессиональной группы российского общества, оказывавшей

Примерно аналогичным образом уменьшился и удельный вес студентов университетов по отношению к студенчеству в целом. Причем указанные изменения происходили не столько за счет государственных, сколько за счет открывавшихся общественных и частных учебных заведений.

² См.: Сословие русских профессоров. Создатели статусов и смыслов / Под ред. Е.А. Вишленковой, И.М. Савельевой. М., 2013. С. 7.

серьезное влияние на научные, образовательные, культурные, социальные, политические процессы в Российской империи.

Степень изученности проблемы. Историографическая традиция и новые подходы к изучению университетского профессорско-преподавательского корпуса подробно рассматриваются в первом разделе первой главы. Здесь же сделаем наиболее общие замечания об эволюции исследовательских интересов от конца XIX до начала XXI в.

В дореволюционный период собственно профессура не становится самостоятельным предметом исследования (за исключением биографических и публицистических работ), а лишь затрагивается в работах, посвященных университету в целом.

После 1917 г. определился новый фокус большинства исторических трудов об отечественном университете рубежа XIX–XX вв.: преимущественное изучение революционного движения с явным пренебрежением всех других сторон университетской истории. Более поздние авторы стали делать акцент на теме научных достижений университетских дореволюционных ученых. Только с 1970-х гг., в работах В.Р. Лейкиной-Свирской, посвященных дореволюционной интеллигенции, стал непосредственно затрагиваться университетский профессорско-преподавательский корпус как её составная часть, а в позднесоветский период появляются наиболее важные для нашего исследования труды Г.И. Щетининой и А.Е. Иванова.

В работах постсоветского периода долгое время сохранялось акцентирование на традиционном круге проблем и подходов. Научные перспективы темы связаны с социальным поворотом изучения университетской истории.

Объект и предмет исследования. Объект исследования – высшая школа дореволюционной России.

Предметом исследования является профессорско-преподавательский корпус университетов Российской Империи конца XIX – начала XX в.: Варшавского, Казанского, Московского, Николаевского (Саратов), Новороссийского (Одесса), Санкт-Петербургского (Петроградского), Св. Владимира (Киев), Томского, Харьковского, Юрьевского (Дерптского), а также Пермского отделения Петроградского университета.

Цель научного исследования. Цель заявленного исследования заключается в том, чтобы выявить роль и место университетского профессорско-преподавательского корпуса в социокультурной и общественно-политической жизни Российской империи конца XIX – начала XX в.

Задачи научного исследования. Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих задач:

– оценить подходы к изучению университетского профессорско-преподавательского корпуса, сложившиеся в исторической литературе, определить методологические основания, подходящие для достижения цели и задач исследования;

– определить правовое и материальное положение профессоров и преподавателей российских университетов; составить ясное представление об их

правовом статусе и качестве жизни;

– выявить ключевые особенности кадрового состава российских университетов конца XIX – начала XX в., включая динамику численности, социальное происхождение профессоров и преподавателей, пути формирования профессорско-преподавательского корпуса, формы научно-педагогической аттестации, типовые карьеры университетских сотрудников, проблемы академической мобильности;

– реконструировать взаимоотношения профессорско-преподавательского корпуса со студенчеством;

– выявить место профессоров и преподавателей в социокультурном пространстве университетского города через характеристику их участия в рынке городских услуг, осуществления общественно-полезной деятельности, участия в местном самоуправлении;

– охарактеризовать гражданскую позицию преподавателей российских университетов через анализ форм протестной активности «левой» и провластной деятельности «правой» профессуры, а также – участия университетских преподавателей в работе Государственного Совета и Государственной Думы;

– дать характеристику университетским профессорам и преподавателям как носителям профессиональной идентичности; для этого: выявить формы проявления профессиональной идентичности представителями университетского преподавательского сообщества; выявить специфику взаимоотношений внутри профессорско-преподавательских коллективов; сформулировать особенности университетских преподавательских сообществ.

Хронологические и территориальные рамки. Хронологические рамки исследования – 1884 г. – февраль 1917 г. – определяются, с одной стороны вступлением в силу нового университетского устава, регламентировавшего жизнь преподавателей классической высшей школы, с другой стороны – революционными изменениями, положившими конец существованию Российской империи и имперской университетской системы. Иногда по ходу повествования нами допускается выход за хронологические рамки – в тех случаях, когда для пользы исследования необходимо обращаться к истокам изучаемых процессов, или, напротив, проследить то, чем и как они были завершены после прекращения существования Российской империи.

Территориальные рамки исследования вытекают из географии университетского образования в России: в начале рассматриваемого периода она (география) ограничивалась Санкт-Петербургом, Москвой, Казанью, Харьковом, Киевом, Одессой, Дерптом и Варшавой³, а к последнему году существования империи была расширена за счет Томска (1888 г.), Саратова (1909 г.), Перми (1916 г.), а также Ростова (ныне – Ростов-на-Дону), куда в годы Первой мировой войны был переведен университет из Варшавы.

Научная новизна. Научная новизна диссертации заключается в том, что ней впервые в историографии осуществлена комплексная историческая

³ Мы не принимаем во внимание Гельсингфорский университет, который не был включен в общероссийскую систему высшей школы в силу довольно широкой автономии Великого княжества Финляндского.

реконструкция всего университетского профессорско-преподавательского корпуса Российской империи конца XIX – начала XX в. как особой социальной группы; выявлены общие и специфические (региональные) черты одиннадцати российских университетских преподавательских сообществ; дана характеристика профессорам и преподавателям как представителям профессии, включая формы проявления ими профессиональной идентичности; предложены классификация форм гражданской активности преподавателей, типологизации конфликтов в профессорско-преподавательской среде; введен в научный оборот значительный комплекс ранее неопубликованных источников по истории российских университетов и университетских сообществ дореволюционной России.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в приращении знания о социальной структуре общества России позднеимперского периода. Приведенные в диссертации факты, охарактеризованные явления и сделанные выводы позволяют более глубоко осмыслить генезис интеллектуальных сообществ в дореволюционной России, осветить как проблемы внутрикорпоративных отношений, так и отношений с внешней средой – городом и государством.

Проведенное исследование позволило заполнить один из пробелов в комплексном анализе социальной истории России рубежа XIX–XX вв. – важнейшего периода, предшествовавшего бифуркационной точке в развитии отечественной цивилизации.

Практическая значимость исследования. Практическая значимость исследования вытекает из возможности использования материалов и выводов диссертации, с одной стороны – в сфере управления высшей школой; с другой – в обширном круге исторических работ, посвященных рубежу XIX–XX в. в России вообще и истории общественных отношений, истории образования, истории интеллигенции, в частности. Помимо этого, материалы настоящей диссертации могут найти применение в подготовке общих и специальных учебных курсов по истории России.

Методологическая база и методический инструментарий. Методология исследования университетского профессорско-преподавательского корпуса, примененная в настоящей работе, подробно совещается в третьем разделе первой главы.

Здесь лаконично обозначим, что основным подходом, примененным в работе, следует назвать антропологический, который предполагает фокусирование на персоналиях и университетских сообществах. Отсюда – внимание к «университетскому человеку», к межличностным отношениям в университетской среде, к формированию в университетских коллективах подгрупп по разным признакам, отношениям между ними. Профессиональная деятельность университетских преподавателей – учебная и научная – осталась за рамками настоящего исследования, так как она составляет иной предмет.

Применительно к социальной истории, антропологический подход реализуется в рамках различных направлений, выработанных исторической наукой. К их числу относится история повседневности, историческая

конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства.

Источниковая база исследования. Подробный источниковедческий обзор по теме исследования приводится во втором разделе первой главы.

Здесь остановимся на классификации источников. Привлеченные в диссертационной работе источники могут быть разделены на следующие виды:

- нормативные документы,
- делопроизводственная документация,
- документальные издания,
- справочные издания,
- материалы периодической печати,
- публицистика,
- источники личного происхождения.

Положения, выносимые на защиту. На защиту выносятся следующие положения:

– Изучение истории отечественных университетов и их преподавательских сообществ прошло большой эволюционный путь от юбилейных и публицистических работ, написанных на злобу дня, через акцентирование на революционном движении, к вниманию к социальным аспектам. Именно последняя тенденция наиболее перспективна. Задачи изучения профессорско-преподавательского корпуса императорских университетов как социально-профессиональной группы российского общества могут быть успешно решены посредством применения антропологического подхода, примененного к таким направлениям социальной истории, как история повседневности, историческая конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства.

– Университетская профессура конца XIX – начала XX в., будучи в формально-правовом отношении частью отечественного чиновничества, на практике являла собой категорию чиновников особого типа, которые по характеру профессиональной деятельности и стилю служебного поведения являлись не встроенными в жесткую вертикаль бюрократами, а гражданскими служащими, испытывавшими органическую связь не столько с профильным ведомством – Министерством народного просвещения, сколько с самим университетом и преподавательским сообществом.

– Дифференциация доходов представителей профессорско-преподавательского корпуса была довольно велика, что типично для иерархизированной системы, и если заработок многих профессоров позволял им на рубеже XIX–XX вв. вести образ жизни зажиточного горожанина, то доходы младших преподавателей не могли обеспечить жизненные потребности семейного человека.

– Система рекрутирования свежих преподавательских кадров для университетов работала неэффективно. Лишь порядка 20 % профессорских стипендиатов защищали диссертации. Далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г. в институт приват-доцентуры, нашли воплощение в реальности: идея «свободы преподавания и свободы слушания» вступала в

непримиримое противоречие со строгой курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с утвержденными министерством народного просвещения программами. С другой стороны, создание в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта» породило ситуацию конфронтации внутри преподавательских коллективов.

– Не очень значительное увеличение штатных единиц в системе российских императорских университетах за рассматриваемый период обеспечивалось кадрами вновь открывшихся подразделений и университетов, а также – за счет категорий «сверхштатных» и «внештатных» профессоров. Реальное и более значительное увеличение численности всей совокупности преподавательского состава университетов происходило за счет приват-доцентуры – особенно в столичных университетах.

– Несмотря на действие университетского устава 1884 г., допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности министерством народного просвещения, преподавательской корпорации, как правило, удавалось сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир.

– Перемещения профессоров и преподавателей внутри системы российских императорских университетов следует подразделить на «академическую» и «неакадемическую» (или «административную») мобильность. Распространенным явлением рассматриваемого периода было движение молодых преподавателей из центра в региональные университеты в поисках штатного места, а зрелых, состоявшихся профессоров, напротив, из регионов – в центр в поисках лучших условий службы.

– При наличии схожей картины социального происхождения профессорско-преподавательских коллективов всех российских университетов, проявлялись характерные региональные особенности: более высокая доля дворянства среди преподавателей Санкт-Петербургского и Московского университетов; бóльший процент «инородцев» в Санкт-Петербургском университете; преобладание выходцев из духовенства в Томском университете.

– Преподавательский университетский корпус не обошел стороной один из «больных» вопросов России рубежа XIX–XX вв. – национальный вопрос. Острее всего он стоял в университетах, расположенных на западных окраинах империи (Дерптском, Варшавском, Св. Владимира); всю систему затрагивал неизменный «еврейский вопрос», помимо этого, приметой военного времени стал прежде не проявлявшийся «немецкий вопрос».

– Профессорско-студенческие отношения рассматриваемого периода переживали кризис, вызванный разрушением патерналистской модели университета, устоявшаяся в XVIII – первой половине XIX в. Однако в условиях развернувшегося студенческого движения преобладавшая часть профессорско-преподавательского корпуса оказалась настроена достаточно лояльно по отношению к этому явлению. Основная причина такой лояльности состояла в том, что многие профессора чувствовали справедливость требований студентов и воспринимали студенческое движение как фактор решения «университетского вопроса».

– Помимо узкопрофессиональной деятельности, связь с городом университетской общественности, превратившейся в конце XIX в. в важнейший компонент жизни университетских центров, осуществлялась через предоставление городу и горожанам услуг (экспертных, образовательных, юридических, медицинских); общественно-полезную деятельность (консультативную, просветительскую, благотворительную); участие в местном самоуправлении.

– При невиданном ранее расколе университетских преподавательских коллективов по политико-идеологическим основаниям на «левых» и «правых», имевшем место в рассматриваемый период, императорские университеты представляли в лице преподавательского состава, в большей степени, оппозицию по отношению к власти, действовавшей в России до февраля 1917 г. Гражданская активность университетских преподавателей проявлялась как во внутриуниверситетских формах (политизация учебного процесса; «противозаконные контакты со студентами»; участие в студенческом движении, сочувствие студенческому движению), так и во внеуниверситетских формах (политизация публичных лекций; публицистическая и издательская деятельность; участие в собраниях, произнесение речей, подписание петиций; создание организаций, членство в политических партиях).

– На рубеже XIX–XX вв. в университетах не просто отражались общероссийские процессы и настроения, они здесь во многом формировались: университетская корпорация долгое время оставалась единственной профессиональной группой в России, складывавшейся посредством конкурса и принципа выборности; задолго до учреждения в России парламента, его прообраз можно было разглядеть в деятельности университетских Советов; именно в вузовских кругах зародилась партия кадетов, которую современники называли «профессорской», видную роль профессура играла в «Союзе 17 октября».

– Основными формами проявления профессиональной идентичности университетских профессоров и преподавателей были: активное участие в обсуждении «университетского вопроса», шаги к самоорганизации, наличие схожих этических принципов, базировавшихся на идеях примата ценностей служения науке и обществу, бескорыстия, свободы и личного достоинства, составной частью преподавательского ценностного набора стоит признать следование нормам научной и корпоративной этики. Отличительными чертами отечественной университетской преподавательской корпорации конца XIX – начала XX в. являлись: относительно слабая конкуренция, использование корпоративной атрибутики, иерархичность, расколотость, двойная идентичность. При допущении умозрительной модели «единой профессорско-преподавательской корпорации», следует выделить её костяк в лице штатной профессуры и периферию в лице приват-доцентов и лекторов. Можно определенно говорить, с одной стороны, о существовании сложившейся профессорской корпорации с примыкавшей к ней группой приват-доцентов, которые читали обязательные курсы (такие приват-доценты, как правило, желали интегрироваться в профессорскую среду и их образ жизни, стиль профессионального поведения напоминали профессорский), а с другой – об

университетских аутсайдерах – приват-доцентах, читавших необязательные курсы, а также лекторах, которые, хотя и находились в штате, не были наделены корпоративными правами и потому, за редким исключением, не составляли костяк сообщества.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертации апробированы на заседании кафедры современной отечественной истории исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета.

Промежуточные результаты доложены в выступлениях на научных конференциях международного и всероссийского уровня. Среди них: международная конференция «Эстония и Сибирь» (Тарту, Эстония, 2010 г.), всероссийская конференция «Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина» (Томск, 2010 г.), международная конференция IV Батаевские чтения «Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: II половина XIX – начало XXI века» (Москва, 2011 г.), международная конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 2013 г.), международная конференция имени академика Л. Блюментроста (Берлин, Германия, 2013 г.), міжнародна конференція «Малиновські читання» (Острог, Украина, 2013 г.), International conference on social sciences & arts conference SGEM-2014 (Албена, Болгария, 2014 г.), международная конференция «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практики исследования» (Томск, 2014 г.), всероссийская конференция «Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации» (Казань, 2014 г.), международная конференция «Наука в Польше и России – сходства и различия (область гуманитарных наук)» (Варшава, Польша, 2015 г.), 3rd international scientific conference on social sciences & arts SGEM-2016 (Вена, Австрия, 2016 г.), International conference «Seeing like a state? Образование в России в прошлом и настоящем: Новые подходы и сравнительные исследования (XVIII–XXI вв.)» (Берлин, Германия, 2017 г.).

Предварительные выводы были сделаны в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

Для апробации результатов исследования были разработаны специальные курсы «История высшего образования в России» и «История высшего образования в Сибири: сравнительный анализ», читаемые для студентов и магистрантов исторического факультета ТГУ.

Основные результаты исследования отражены в 52 публикациях автора, том числе в 17 статьях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 8 статей в российских научных журналах, индексируемых Web of Science и / или Scopus), 5 статьях в зарубежных научных изданиях, индексируемых Web of Science, 1 монографии (в соавторстве), 3 документальных изданиях, 1 энциклопедическом издании, 2 биографических

словарях, 1 статье в научном журнале, 5 статьях в сборниках научных трудов, 17 статьях в сборниках материалов международных и всероссийских научных и научно-практических конференций.

Структура диссертации. Структура диссертации обусловлена поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, семи глав (двадцати одного раздела), заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, трех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность исследования, коротко характеризуется степень изученности проблемы, формулируются объект, предмет, цель, задачи исследования, обосновываются его хронологические и территориальные рамки, формулируются новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, определяется методологическая база и круг источников, формулируются положения, выносимые на защиту, подтверждается апробация диссертационной работы.

В **первой главе** «История университетского профессорско-преподавательского корпуса как историографическая и методологическая проблема» прослежена историографическая традиция изучения дореволюционного университета и его профессорско-преподавательского корпуса, выявлены наиболее перспективные направления современной отечественной и зарубежной историографии; даны классификация и обзор источников по изучаемой теме, определен их информационный потенциал; в последнем разделе первой главы обосновывается выбранная методология исследования, осуществленного на базе антропологического подхода.

Первый раздел «Историографическая традиция и новые подходы к изучению университетского профессорско-преподавательского корпуса» посвящен анализу богатого историографического наследия по изучаемой теме, которое прирастает уже более 130 лет.

Основной массив работ, создававшихся с конца XIX в. и затрагивавших историю профессорско-преподавательского корпуса университетов, представлял собой публицистические произведения, которые выступают в роли источников, но некоторые из них могут быть вполне отнесены к исследованиям (труды А.И. Георгиевского, Н.И. Кареева, Ю.А. Кулаковского, П.Е. Казанского, Л.И. Петражицкого).

Собственно исследовательской литературой дореволюционной поры являются издания официального характера⁴ и издания, посвященные истории

⁴ См.: Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования Александра III (со 2 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.). СПб, 1901. 650 с.; Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902 / Сост. С.В. Рождественский. СПб, 1902. 767 с. и др.

отдельных университетов; наиболее ценны в содержательном отношении сочинения по истории Харьковского и Дерптского университетов⁵.

Подчеркнем, что в дореволюционный период профессура не становится самостоятельным предметом исследования (за исключением биографических и публицистических работ), а лишь затрагивается в работах, посвященных университету в целом.

После 1917 г. определился новый фокус большинства исторических трудов об отечественном университете рубежа XIX–XX вв.: преимущественное изучение революционного движения.

Более поздние авторы стали делать акцент на теме научных достижений университетских дореволюционных ученых, чему способствовало произошедшее в 1940-х гг. обновление официальных идеологических установок в направлении государственного патриотизма, предусматривавшего культивирование национальной гордости на образцах прошлых лет.

Только с 1970-х гг., в работах В.Р. Лейкиной-Свирской, посвященных дореволюционной интеллигенции, стал непосредственно затрагиваться университетский профессорско-преподавательский корпус как её составная часть⁶, а в позднесоветский период появляются наиболее важные для нашего исследования труды Г.И. Щетининой⁷ и А.Е. Иванова⁸.

Советская историческая наука внесла существенный вклад в развитие университетской тематики: был введен в научный оборот пласт ранее неизвестных источников, проведены исследования научных школ и деятельности отдельных ученых рубежа XIX–XX вв. Однако идеологизация предопределила крен исследований в пользу одних, но в ущерб другим аспектам прошлого российских университетов. Социальный, антропологический аспект университета оставался для советских исследователей периферийным.

В работах постсоветского периода, несмотря на избавление от идеологических клише, продолжительное время сохранялось акцентирование на традиционном круге проблем. Создавались и, безусловно, будут создаваться в дальнейшем работы, освещающие политическую историю университетов, историю функционирования отдельных институтов университетской жизни, историю кафедр, личностей.

С конца 1990-х гг. различными авторами и авторскими коллективами велась работа по написанию обзорно-обобщающих трудов по истории образования в

⁵ Багaley Д.И., Сумцов Н.Ф., Бузескул В.П. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906. 360 с.; Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет в последний период своего столетнего существования (1865–1902). СПб, 1906, III, 211, VII с.

⁶ Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971. 366 с.; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900–1917 гг. М., 1981. 285 с.

⁷ Щетинина Г.И. Университеты России и устав 1884 года. М., 1976. 231 с.

⁸ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991. 392 с.

России⁹. Особо следует отметить исследования А.Ю. Андреева и С.И. Посохова, представляющие собой теоретическое осмысление университетского прошлого¹⁰.

Понимание важности анализа феномена Университета в человеческом измерении постепенно наметило переход от преимущественного изучения функционирования отдельных элементов университетской системы к социальным, антропологическим и историко-культурным аспектам, чему во многом способствовали труды Т. Маурер¹¹.

Зарубежная историография темы относительно обширна. К отдельной группе следует отнести работы польских, украинских и эстонских авторов как исследователей из тех стран, где ныне расположены некоторые университеты бывшей Российской империи. За редким исключением историки из этих государств обращаются к прошлому «своих» университетов – Варшавского, Святого Владимира, Новороссийского, Харьковского и Юрьевского – и крайне редко предметом их исследований становятся университеты Российской империи в целом.

Что касается – назовем условно – «западной» историографии, то она в XX в. не носила такого дискретного характера, как историография отечественная, и её «постсоветский» этап не настолько глубоко отличается от «советского».

Систематически западноевропейские и американские исследователи стали обращаться к теме университета и интеллектуальных сообществ досоветской России с 1960-х гг. На это десятилетие выпадает публикация ряда работ об истории русской «intelligentsia»¹².

В изданиях разных лет российская дореволюционная высшая школа затрагивается в обобщающих работах по истории европейских университетов.

Вплоть до недавнего времени в западной историографии непосредственно внутреннему развитию российских университетов уделялось слабое внимание; в основном университетские исследования вписывались в контекст общественно-политической истории имперской России. Однако исследования

⁹ Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995. 342 с.; Змеев В.А. Эволюция высшей школы Российской империи. М., 1998. 242 с.; Аврус А.И. История российских университетов: Очерки. М., 2001. 85 с.

¹⁰ Андреев А.Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. 640 с.; Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX века. Антология / Сост. А.Ю. Андреев, С.И. Посохов. М., 2011. 527 с.; Андреев А.Ю., Посохов С.И. Университет в Российской Империи XVIII – первой половины XIX века. М., 2012. 671 с.

¹¹ Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur russischen Sozial- und Bildungsgeschichte. Koeln; Weimar; Wien, 1998. 959 s.; Маурер Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М., 2015. 527 с.

¹² Wildman A.K. The Russian Intelligentsia of the 1890's // American Slavic and East European Review. 1960. Vol. 19. № 2. P. 157–179; Nahirny V. The Russian Intelligentsia: From Men of Ideas to Men of Convictions // Comparative Studies in Society and History. 1962. Vol. 4. № 4. P. 403–435; Putnam G. Aleksandr Blok and the Russian Intelligentsia // The Slavic and East European Journal. 1965. Vol. 9. № 1. P. 29–46.

Дж. Макклелланда¹³, Д. Брауэра¹⁴, С. Кассоу¹⁵ начинали переламывать эту тенденцию и заслуживают внимания как транслировавшие нетипичный для отечественной историографии тех лет немарксистский подход к университетской истории России.

В 1990-е – 2000-е гг. западная историография сохранила свой интерес к проблеме взаимоотношений университета и русского общества, о чем свидетельствуют монографии П. Конечного¹⁶, Д. Вартенвейлера¹⁷.

Актуальными и перспективными исследованиями университетского прошлого, осуществляемыми в наши дни, следует назвать изучение внутрикорпоративных отношений, «университетской конфликтологии», академической мобильности, диссертационной культуры, профессорской повседневности и досуга, поиск новых информационных возможностей источников по университетскому прошлому.

К настоящему времени хорошо изученными можно назвать проблемы научной аттестации, вопросы участия профессоров и преподавателей в политических процессах рубежа XIX–XX вв., влияния студенческого движения на университетскую жизнь. Предметом специального рассмотрения уже становились (правда, с акцентом на разные аспекты) дореволюционные преподавательские корпуса четырех из одиннадцати университетов: Томского, Московского, Казанского и Санкт-Петербургского. Однако, большое количество работ, посвященных отдельным страницам истории тех или иных университетов и их преподавательских корпораций, не снимает задачу создания обобщающего труда по истории всего университетского профессорско-преподавательского корпуса Российской империи конца XIX – начала XX в. как особой социальной и профессиональной группы, ведь только панорамный взгляд на проблему позволит увидеть региональные особенности отдельных университетов, выделить общие тенденции, отделить их от частных случаев.

Во *втором разделе* «Источниковая база исследования» предложена видовая классификация как опубликованных, так и неопубликованных источников по теме диссертации.

Привлеченные в диссертационной работе источники разделены на следующие виды:

- нормативные документы,
- делопроизводственная документация,
- документальные издания,
- справочные издания,

¹³ McClelland J.C. *Autocrats and Academics: Education, Culture, and Society in Tsarist Russia*. Chicago: University of Chicago Press, 1979. 150 p.

¹⁴ Brower D. *Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tsarist Russia*. Ithaca. London, 1975. 248 p.

¹⁵ Kassow S.D. *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia*. Berkeley and Los Angeles, 1989. 438 p.

¹⁶ Konecny P. *Builders and Deserters: Students, State and Community in Leningrad, 1917–1941*. Montreal, 1999. 358 p.

¹⁷ Wartenweiler D. *Civil Society and Academic Debate in Russia. 1905–1914*. Oxford, 1999. XII, 252 p.

- материалы периодической печати,
- публицистика,
- источники личного происхождения.

Немало источников по университетской истории опубликованы и потому – общедоступны: одни тексты изначально издавались типографским способом для публичного пользования (уставы, законы, отчеты, периодика и пр.), другие опубликованы в разное время в виде сборников документов.

Однако по-прежнему львиная доля исторических материалов (переписка, протоколы, донесения, рапорты и пр.) хранится в архивах. При проведении исследования был проведен поиск в восьми российских (Российский государственный исторический архив, Государственный архив Российской Федерации, Центральный государственный архив города Москвы, Национальный архив Республики Татарстан, Государственный архив Пермского края, Государственный архив Томской области, Государственный архив Саратовской области, Центр документации новейшей истории администрации Воронежской области) и семи зарубежных (Государственный архив в Варшаве, Главный архив исторических документов в Варшаве, Исторический архив Эстонии, Центральный государственный исторический архив Украины, Государственный архив города Киева, Государственный архив Одесской области, Государственный архив Харьковской области) архивах.

С точки зрения интересов темы и поисков ответов на прославленные в исследовании вопросы, наиболее важными явились делопроизводственные документы. Тексты журналов заседаний советов, переписка должностных лиц и рапорты позволяют реконструировать информацию о позиции преподавателей по тому или иному вопросу, дают достаточно материала для анализа общественно-политических настроений представителей профессорско-преподавательского корпуса.

Источники личного происхождения (воспоминания, автобиографии, дневники, письма) незаменимы для реконструкции личных связей, взаимоотношений внутри университетских преподавательских коллективов. Такие источники часто проливают свет на видение профессуры отдельных аспектов университетской жизни, но не через публичные, а через частные высказывания.

Наличествующие источники, в которых отразилась история дореволюционного профессорско-преподавательского корпуса, весьма разнообразны и информативны. Привлечение как опубликованного, так и неопубликованного, вводимого в значительной части впервые в научный оборот, первичного исторического материала позволило извлечь из него информацию, необходимую для достижения цели настоящего диссертационного исследования.

В *третьем разделе* «Методология исследования: подходы, принципы и инструментарий». Основным подходом, примененным в работе, следует назвать антропологический, который предполагает фокусирование на персоналиях и университетских сообществах. Отсюда – внимание к «университетскому человеку», к межличностным отношениям в университетской среде, к формированию в университетских коллективах подгрупп по разным признакам,

отношениям между ними. Профессиональная деятельность университетских преподавателей – учебная и научная – осталась за рамками настоящего исследования, так как она составляет иной предмет.

Применительно к социальной истории, антропологический подход реализуется в рамках различных направлений, выработанных исторической наукой. К их числу относится история повседневности, историческая конфликтология, психоистория («история ментальностей»), изучение университета в контексте городского пространства.

Осуществление большой научной работы предполагает обращение, как к общенаучным, так и специальным методам исследования.

Общенаучные методы – выявление, систематизация и системный анализ исследуемого материала, применение к нему индуктивных и дедуктивных подходов – дали возможность исследовать процессы, протекавшие как в стране в целом, так и в высшей школе дореволюционной России в частности, с точки зрения их влияния на университетский профессорско-преподавательский корпус.

Применение специальных исторических методов – проблемно-хронологического, историко-генетического, историко-типологического, историко-сравнительного – позволило рассмотреть эволюцию университетского преподавательского корпуса с точки зрения параллельно протекавших процессов, раскрыть характер изменений университетской политики, самого Университета, классифицировать и типологизировать исследуемые объекты, выявить особенности профессорско-преподавательских корпораций разных университетов.

Взгляд на университетских преподавателей как на социально-профессиональную корпорацию предопределил выбор особой исследовательской оптики, в их числе: «социальный» подход и биографический метод, просопография, метод ситуационного анализа.

Разнообразие исследовательских техник при изучении темы диссертационного исследования дало возможность извлечь из источников как очевидную, так и скрытую, не всегда доступную при традиционном историческом анализе информацию, получить значимые результаты, сделать необходимые выводы.

Во **второй главе** «Служебно-правовое и материальное положение профессоров и преподавателей российских университетов» дана общая характеристика преподавательского состава в формально-юридическом отношении, а также проведен анализ его материального обеспечения и уровня жизни.

В **первом разделе** «Университетские преподаватели как чиновники» представлен материал о служебном положении представителей преподавательского корпуса. Определено, что учебная нагрузка профессоров в среднем равнялась 4–6 лекциям в неделю. При этом, учитывая то, что в рассматриваемый период рост числа студентов в университетах заметно опережал рост числа преподавателей (на начало рассматриваемого периода, соотношение преподавателей и студентов было 1:20; аналогичным оно оставалась до начала XX в.; с введением предметной системы соотношение стало достигать до

показателя 1:30 с учетом приват-доцентов), объем учебной нагрузки объективно увеличивался.

Были выявлены особенности осуществления учебного процесса, связанные с практикой проведения занятий и экзаменов на квартирах профессоров, литографированием студентами профессорских лекций.

Соотношение между преподавательскими должностями и чинами определенных классов «Табели о рангах» предполагало ношение преподавателем в университете форменного мундира, а также и обращение (титулование) к преподавателю, соответствовавшее чину. Как несшие службу чиновники преподаватели награждались государственными наградами. Подчеркнем, что ордена полагались не столько за выдающиеся заслуги и подвиги, сколько за исправную службу. Практически все профессора императорских университетов (до $\frac{4}{5}$ текущего состава) с течением времени получали эти награды.

При этом статус имперских чиновников накладывал на профессоров ряд ограничений. Помимо упомянутой обязанности носить форменную одежду (которое, впрочем, нередко нарушалось), преподавателям следовало получить разрешение министерства народного просвещения на ношение иностранных орденов и даже разрешение ректора при желании вступить в брак.

Во *втором разделе* «Качество жизни профессоров и преподавателей» были выявлены источники доходов и структура расходов университетских преподавателей. Интерес к этому вопросу предопределяется тем обстоятельством, что степень престижа преподавательской профессии не в последнюю очередь была связана с экономическим положением профессоров и их семей.

Обосновывается утверждение, что для большинства профессоров и преподавателей основным источником благосостояния являлось чиновничье жалование, получаемое по линии министерства народного просвещения, а также доходы от иной профессиональной деятельности.

Закон устанавливал единые размеры жалования в университетской системе. Вместе с тем масштабы Российской империи учитывали некоторые региональные особенности университетов. Так, профессора и преподаватели Томского университета за службу в Сибири получали полуторное содержание; кроме того, к основному денежному содержанию по истечении 5 и 10 лет службы были положены прибавки в размере 20 % и 40 %. Особая система расчета окладов существовала и в Варшавском университете: 20-% прибавка к штатным окладам, кроме того, после первых 5 лет службы делалась прибавка в 25 %; по выслуге следующих 5 лет делалась вторая 25-% прибавка с одновременной отменой указанная выше 20-% прибавкой; третья и четвертая 5-летия службы также вели к новым 25-% прибавкам.

Профессорское жалование оставалось неизменным почти весь рассматриваемый период и было увеличено на 50 % только с января 1917 г. в условиях дороговизны, вызванной военным временем.

Главным новшеством системы материального обеспечения преподавателей стал гонорар: помимо казенного жалования, преподаватели теперь стали получать дополнительные выплаты из сумм, вносимых студентами в университетскую казну за слушание лекций. Приводятся подробные расчёты размера гонорара за

разные годы в разных университетах. Наглядно демонстрируется колоссальный разрыв в размерах гонорара, получаемого, с одной стороны, профессорами «многолюдных» факультетов (в первую очередь, юридических) столичных университетов и «малоллюдных» (например, историко-филологических) факультетов университетов провинциальных.

Прочие доходы, получаемые преподавателями, составляли орденские пенсии, пособия. Помимо этого, преподаватели могли иметь дополнительные заработки от медицинской практики, гонораров за публикацию статей и пр.

Суммируя все постоянные (оклад, региональные прибавки) и вероятные (университетский гонорар, гонорары за предоставление услуг, орденские пенсии) доходы, получаемые профессорами и преподавателями вследствие их профессиональной деятельности, можно сделать вывод о достаточно большом разбросе итоговых цифр: от сумм, едва превышавших 1 000 руб. в год у приват-доцентов и до 8 000–10 000 руб. у профессоров-юристов столичных университетов.

Проведено сравнение с заработками учителей, чиновников других ведомств, германскими и американскими профессорами. Показано, что доходы университетских преподавателей в России были на уровне жалования чиновников «средней руки». Оклады профессоров германских и американских университетов в 1,5–2 раза превосходили средний уровень штатных окладов в Российских университетах.

Для оценки качества жизни университетских преподавателей важно составить представление о составе и о тратах типичной профессорской семьи.

По состоянию на 1902 г. у всех отечественных университетских штатных преподавателей коэффициент, отражающий количество детей, равнялся 1,83¹⁸. При этом самыми многодетными, с коэффициентом больше 2, оказались преподаватели Санкт-Петербургского (2,2) и Казанского (2,05) университетов. Меньше всего детей было у преподавателей Новороссийского (1,5) и Харьковского (1,6) университетов. В целом, за норму начала XX в. можно взять наличие преподавательских семьях двух детей (ниже чем в среднестатистической российской семье того времени). В дальнейшем этот показатель мало менялся.

На основании многочисленных примеров и расчетов можно прийти к выводу, что доходы большинства профессоров позволяли им вести на рубеже XIX–XX вв. образ жизни зажиточного горожанина (чего нельзя сказать о доходах младших преподавателей).

На фоне совокупности представителей профессий физического труда и служащих Российской империи университетские преподаватели должны быть отнесены к верхнему слою с точки зрения получаемых доходов; в начале века состоятельным считался человек с годовым доходом в 1 000 руб., а во всей 130-миллионной Российской империи таковых насчитывалось около 572 тысяч человек. С другой стороны, сами профессора были склонны оценивать свое материальное положение как недостаточное и видеть в этом одну из причин бед в сфере образования. Известное противоречие между объективной реальностью и

¹⁸ Цифра получена путем деления общего количества детей в семьях преподавателей на количество преподавателей.

ощущением университетских преподавателей, вероятно, объясняется тем, что они были склонны мерить своё благосостояние не применительно ко всей массе подданных Российской империи, а применительно к её элитарным слоям, к которым относили и себя.

Делается вывод о том, что специфика профессорско-преподавательского корпуса российских университетов с формально-правовой точки зрения определялась наличием чиновничьего костяка, к которому де-юре принадлежали штатные преподаватели – профессора и лекторы (а также доценты Варшавского и Дерптского университетов), разбавленного не-чиновничьим элементом – приват-доцентами.

Но и профессора, неся службу государству и обществу в Императорских университетах, являли собой категорию государственных чиновников «нового типа», отличавшихся по характеру профессиональной деятельности и стилю служебного поведения от иных служащих министерства народного просвещения.

Третья глава «Особенности кадрового состава российских университетов конца XIX – начала XX в.» посвящена общей характеристике университетского профессорско-преподавательского корпуса. В главе прослежена динамика численности профессоров и преподавателей в период действия последнего университетского устава, особое внимание уделено проблеме академической мобильности; выявлена специфика социального, возрастного, национального состава преподавателей различных университетов, освещено проявление «национального вопроса» в университетской среде; рассмотрена система ученых степеней, должностей и званий в дореволюционном университете, охарактеризован феномен приват-доцентуры.

В *первом разделе* «Динамика численности профессоров и преподавателей российских университетов в конце XIX – начале XX в. Академическая и неакадемическая мобильность» рассматривается формирование новых штатов после вступления в силу университетского устава 1884 г. Более всего новый устав затронул интересы доцентов шести университетов, чьи должности вообще ликвидировались (во всех университетах кроме Варшавского и Дерптского). По произведенным расчетам видно, что $\frac{2}{3}$ доцентов российских университетов сохранили за собой штатное место и даже выиграли в служебном отношении от проведенной реформы, став экстраординарными профессорами. Менее всего от штатных пертурбаций 1884 г. пострадали доценты столичных университетов; более всего – доценты Харьковского университета (здесь соотношение оставшихся и выведенных за штат обратно общероссийскому) и университета Св. Владимира (здесь штатное место сохранили 50 % бывших доцентов).

В целом, в первый год действия нового устава фиксируется незначительное (на 6,5 %) сокращение количества штатных преподавателей, что объясняется выводом за штат ряда доцентов. В дальнейшем количество штатных должностей в университетской системе медленно росло по мере возникновения новых структурных подразделений и открытия новых университетов.

За тридцать с лишним лет (1884–1917 гг.) количество преподавателей (без учета приват-доцентов) выросло в университетах на 43 %. Помимо штатов вновь открытых университетов, рост обеспечивался категориями «сверхштатных» и

«внештатных» профессоров; профессора этой категории занимали весьма значительную долю (до 37 %) от числа всех преподавателей, особенно в двух столичных университетах и университете Св. Владимира.

Вопрос формирования университетских штатов тесно связан с проблемой мобильности преподавателей. Из-за различных обстоятельств пространственных перемещений преподавателей были введены понятия «академической» и «неакадемической» мобильности. Под последней, в отличие от первой, понимается перемена места службы, не связанная с научно-образовательными и карьерными мотивами (перемещение профессоров из одного университета в другой по инициативе министерства народного просвещения; переезды вследствие эвакуации в годы Первой мировой войны).

Всплески академической мобильности фиксируются в начале рассматриваемого периода и в связи с открытием новых университетов (Томского в 1888 г., Николаевского в 1909 г., Пермского филиала Петроградского университета в 1916 г.).

По произведенным расчетам мобильности преподавателей за три контрольные точки (1884–1885 гг., 1900–1901 гг., 1916–1917 гг.) можно сделать вывод о наличии такого явления, как движение приват-доцентов одних университетов в другие университеты по мере появления там штатных должностей (более половины переходов преподавателей из одного университета в другой были связаны именно с мобильностью бывших приват-доцентов), а также о том, что наиболее тесные в кадровом отношении связи с европейскими научно-образовательными центрами имел Юрьевский (Дерптский) университет.

Высокой академическую мобильность университетских преподавателей назвать нельзя. Это вывод подтверждается и сравнением произведенных расчетов с данными по германским университетам аналогичного времени.

Во *втором разделе* «Социальный, возрастной, национальный состав профессорско-преподавательского корпуса. Университетские кадры и “национальный вопрос”» рисуется усредненный портрет университетского преподавателя с точки зрения различных социальных характеристик.

Сопоставление данных о социальном происхождении профессоров и преподавателей университетов позволяет прийти к следующим заключениям. В столичных университетах доля дворян среди преподавателей была несколько выше, чем в университетах провинциальных¹⁹. Бросается в глаза большой процент «иностранцев» в Санкт-Петербургском университете, что объясняется спецификой состава одного из факультетов – восточных языков. Преобладание в Томском университете выходцев из духовенства объясняется тем, что первое десятилетие, когда университет функционировал в составе только медицинского факультета, приезжавшие на службу в Томск преподаватели являлись в основном выпускниками Военно-медицинской академии, куда принимали на учебу и лиц, окончивших духовные семинарии.

¹⁹ В начале 1880-х гг. в ИСПБУ доля преподавателей, чьи отцы были потомственными дворянами доходила до 54 %, а менее всего – только 11 % – дворянских детей было среди преподавателей ИНУ.

Разброс показателей среднего возраста преподавателей в отечественных университетах был небольшим, хотя следует подчеркнуть относительную «молодость» преподавателей Варшавского (42 года в 1884 г.), Николаевского (47 лет в 1917 г.) университетов, а также то, что за рассматриваемый период преподавательский корпус университетов постарел примерно на 10 лет (с 44 до 52 лет в среднем по всем университетам).

В результате проводимой этно-конфессиональной политики в конфессиональном отношении большинство преподавателей университетов происходило из семей из православных. Однако университетскую систему не обошел стороной «национальный вопрос», выразившийся, как в законодательных ограничениях для представителей отдельных наций (или вероисповеданий), так и предубеждении в их отношении на бытовом уровне. Острее всего «национальный вопрос» стоял в университетах, расположенных на западных окраинах Российской империи (Дерптском, Варшавском, Св. Владимира). Всю систему затрагивал неизменный «еврейский вопрос», помимо этого, приметой военного времени стал прежде не проявлявшийся «немецкий вопрос».

В *третьем разделе* «Ученые степени, должности и звания как элементы системы координат университетской карьеры» охарактеризован механизм пополнения преподавательских кадров через институт профессорских стипендиатов, выявлено содержание критики этой системы, как со стороны министерства (низкий научный уровень стипендиатов), так и со стороны университетов (недостаточная материальная обеспеченность процесса подготовки кадров, отстраненность факультетов от принятия решений об оставлении выпускников для подготовки к профессорскому званию).

В результате проведенного анализа приходится констатировать, что система рекрутирования свежих преподавательских сил для университетов работала не слишком эффективно: лишь порядка 20 % профессорских стипендиатов защищали диссертации.

Между тем, защита диссертаций и, в первую очередь, процедура замещения вакантных должностей играли роль пропуска в университетскую преподавательскую корпорацию.

Подчеркнуты обстоятельства, которые отличали процедуру защиты диссертаций рассматриваемого периода от защит в советские или постсоветские годы: практика печати порядка 300 экземпляров диссертации, право выступать оппонентами исключительно членов факультета, принявшего диссертацию к защите, право выступать оппонентами лиц, не имевших той степени, на которую претендовал диссертант; практика назначения «запасных оппонентов» на случай неявки основных.

На рубеже веков не утихала дискуссия о необходимом количестве ученых степеней. Выявлены основные аргументы в поддержку одной (де-бюрократизация, облегчение доступа к научной деятельности, экономия сил преподавателя, ускорение карьеры, европейский опыт) и двух (увеличение продуктивности научной деятельности, повышение уровня требований к научной деятельности, соответствие между степенями и должностями) степеней.

К концу рассматриваемого периода министерство склонилось к решению о сокращении числа ученых степеней до одной, но в жизнь оно так и не было претворено по причине затяжек с принятием нового университетского устава.

Одним из центральных вопросов университетской жизни рассматриваемого периода был вопрос о замещении преподавательских и административных должностей. В годы действия последнего университетского устава, допускавшего прямое назначение преподавателей на вакантные должности, правом этим министерство народного просвещения пользовалось не так уж и часто, а имевшие порой место случаи игнорирования мнения Советов при определении нового члена факультета зачастую воспринимались университетской общественностью как покушение на их права. Такое внимательное отношение профессуры к «кадровым вопросам» вполне объяснимо: члены университетской преподавательской корпорации желали, во что бы то ни стало, сохранять в своих руках контроль за «входными дверями» в академический мир, что им в основном удавалось.

Изучение практики функционирования института приват-доцентуры в российских университетах в конце XIX – начале XX в. приводит к выводу о том, что далеко не все идеи, заложенные при разработке Устава 1884 г., нашли воплощение в реальности.

Более того, идея «свободы преподавания и свободы слушания» (именно с ней связывалось расширение приват-доцентуры) вступала в непримиримое противоречие со строгой курсовой системой, предполагавшей посещение студентами тех курсов, которые читались в соответствии с утвержденными министерством программами. С другой стороны, создание в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта» породило ситуацию конфронтации, которая приобретала политическое звучание в накаленной атмосфере начала XX в.

Возвращение доцентуры вслед за окончанием имперского периода символизировало и конец прежнего этапа университетской истории, длившегося с вступления в силу устава 1884 г., ликвидировавшего доцентуру.

Четвертая глава «Профессорско-преподавательский корпус и студенчество: грани взаимоотношений» завершает ту часть исследования, которая посвящена внутриуниверситетским обстоятельствам.

В *первом разделе* «Преподаватели и студенты в дореволюционном университете: кризис отношений» разбираются кризисные явления, характеризующие специфику преподавательско-студенческих взаимоотношений на рубеже XIX–XX вв.

Создаваемая веками модель университетской жизни, в том числе стилистика отношений преподавателей и студентов, не могла в условиях модернизации оставаться неизменной. Она переживала кризис, выразившийся, с одной стороны, в отступлении части профессуры от соблюдения ритуалов в отношениях с учащимися, а, с другой, – в протестах студентов против своих учителей.

Источники доносят массу свидетельств теплых отношений профессоров и учащихся и благотворного влияния первых на вторых. Обзор большого

количества кейсов позволяет сделать вывод о том, что демократический, но предполагавший взаимоуважение, стиль отношений особенно располагал друг к другу преподавателей и студентов.

Однако действительность была более сложна и примеры хороших отношений учащихся и учащихся не определяли всех процессов, протекавших в российском университете конца XIX – начала XX в. Распространенным явлением становятся конфликтные ситуации, которые можно разделить на связанные с учебным процессом и являвшиеся составной частью студенческого движения.

Первые были связаны с выступлениями студентов против неудовлетворявших их преподавателей, или являлись следствием ситуаций, когда студентами, которые шли на конфликт, двигали чувство несправедливости, обида, задетая честь.

Вторые, имевшие более глубокие корни, разбираются в диссертации отдельно.

Конфликты проходили в форме прерывания речи преподавателя, срыва занятий, массовых непосещений лекций, бойкота конкретных преподавателей и даже «суда над профессорами».

Во *втором разделе* «Поиск путей выхода из кризиса: от дисциплинарного суда до благотворительности» внимание уделено попыткам преодоления кризиса, как со стороны учебных властей, так и со стороны преподавателей.

Министерство народного просвещения видело перспективы «сближения профессуры и студенчества» в расширении практических занятий, учреждении под руководством профессоров научных и литературных студенческих кружков и в устройстве «правильно поставленных студенческих общежитий». Предложенные правительством меры не выходили за рамки традиционной охранительной политики и были явно недостаточны.

Гораздо более глубокое понимание проблем университетской жизни продемонстрировала университетская общественность, о чем можно судить по работе Комиссии по преобразованию высших учебных заведений (1902 г.), выработавшей свои предложения по преодолению кризиса. Предложения включали в себя как шаги учебно-научного характера, так и меры, предполагавшие коренную реорганизацию университетов на принципах автономии.

В начале века с целью преодоления кризисных выявлений в университетскую жизнь был внедрен ряд новшеств, таких, как регулирование студенческих организаций, введение института кураторов, учреждение профессорского дисциплинарного суда. Однако степень эффективности этих мер не может быть оценена высоко. С другой стороны, сближению учащихся и учащихся, безусловно, способствовала благотворительность преподавателей в отношении студентов, носившая как институализированный, так и неинституализированный характер. Пожертвования были личными и коллективными. К последним мы относим, прежде всего, пожертвованные суммы, собранные профессорской коллегией по подписке. Что касается первого типа, то есть индивидуальных пожертвований, то их можно в свою очередь разделить на три подкатегории: 1 – капиталы, пожертвованные при жизни, 2 – переданные по

духовному завещанию, 3 – переданные родственниками покойного профессора в память о нем. Перечень выявленных университетских преподавателей-жертвователей с описанием основных условий использования пожертвования приведен в приложении.

Третий раздел «Преподавательский корпус и студенческое движение» преимущественно посвящен проблеме восприятия преподавательским корпусом студенческого движения рубежа XIX–XX вв.

Выявленные архивные и опубликованные документы позволяют ознакомиться с мнением значительного количества преподавателей о природе студенческих волнений.

Установлено, что разброс объяснений феномена протестов не был слишком широк. Преподаватели указывали на то, что у студенческих протестов внешние по отношению к университету причины; были склонны видеть причины студенческого движения в специфике университетского устройства, сложившегося после 1884 г.; указывали на естественность и закономерность студенческих протестов (специфика возраста, запрет на легальные студенческие организации).

В целом, за редким исключением профессорское понимание сути студенческого движения было достаточно глубоким и многоаспектным, и обвинить профессуру в непонимании или упрощении этого явления не представляется возможным.

Есть достаточные основания полагать, что большая часть преподавателей с пониманием относилась к студенческому движению. Глубина сочувствия и формы, в которых оно проявлялось, были различны: от заступничества, призывов к смягчению участи студентов, подвергшихся наказанию, до открытой солидаризации с участниками движения.

В рассматриваемый период отношения между профессурой и студенчеством усложнялись, чему не в малой степени способствовали факторы, как широко развернувшегося студенческого движения, так и профессорской активности в борьбе за автономию. Патерналистская модель отношений между учащими и учащимися, устоявшаяся в XVIII – первой половине XIX в. и предполагавшая безусловно подчиненную позицию студента, претерпевала изменения, а естественные для всех времен межпоколенческие противоречия накладывались на бурление общественной жизни начала века. Правительство же со своей стороны, пытаясь вернуть университетскую жизнь в «нормальное русло», действовало скорее неэффективно, продолжая проводить преимущественно охранительную политику, которая часто лишь озлобляла студентов и укрепляла скептицизм значительной части преподавателей в отношении властей. Новые времена требовали новых решений, которые в России будут искать лишь в контексте революционных преобразований.

В **пятой главе** «Профессора и преподаватели в социокультурном пространстве университетского города» дается характеристика отношений представителей университетского преподавательского сообщества с городом, выделяются формы и способы этих отношений.

В *первом разделе* «Участие профессоров и преподавателей в рынке городских услуг» предлагается разделение услуг на те, что представлялись от лица университетов, и на частную практику преподавателей.

Университеты, опираясь на силы преподавателей, регулярно выступали операторами экспертной деятельности. Выявленные случаи и произведенные расчеты показывают, что чаще всего университеты проводили экспертизы по запросам от следственных и судебных ведомств, на втором месте оказывались те или иные гражданские органы власти, на третьем – частные предприятия (заводы, конторы). Роль профессоров в качестве экспертов заметно возросла годы Первой мировой войны.

Помимо этого, университет предоставлял свои мощности и интеллектуальные силы для организации производства (например, медикаментов и медицинского сырья). Наконец, университеты предоставляли образовательные услуги.

Желая предоставить обществу профессиональные услуги, университетские преподаватели могли действовать и как частные лица.

Возможности предоставления юридических услуг, связанных с адвокатурой или нотариатом, для преподавателей университетов были законодательно ограничены. Вследствие этого профессора-юристы могли оказывать лишь консультационные услуги как частные лица.

В отличие от юридических, медицинские услуги предоставлялись университетскими сотрудниками весьма широко. По нашим подсчетам, в среднем не менее половины преподавателей медицинских факультетов имела частную практику. При этом, можно утверждать, что университетские профессора-медики относились к элитной категории врачей, чьи услуги преимущественно были доступны лишь верхним слоям общества.

Если предоставление юридических и медицинских услуг было предопределено специальностью профессора и потому было актуально для преподавателей только двух соответствующих факультетов, то образовательные услуги могли предоставлять профессора, лекторы и приват-доценты самых разных специальностей. Хорошо известно, что университетские профессора преподавали на высших женских курсах, которые имелись в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Казани и Томске – именно в университетских городах.

Во *втором разделе* «Общественно-полезная деятельность профессоров и преподавателей» обобщен материал о безвозмездной работе представителей университетского сообщества на благо общества. Она состояла из просветительской деятельности, публицистики, благотворительности.

Просветительской можно назвать любую профессиональную деятельность университетских преподавателей, включая ту, о которой шла речь в предыдущем разделе. Но здесь характеризуется деятельность неоплачиваемая, либо та, доход с которой шел на благотворительные цели.

Наиболее типичной и массовой формой просвещения следует назвать чтение преподавателями публичных лекций. Тематика большинства из них естественным образом вытекала из научных интересов самих университетских профессоров.

Просветительскую функцию университетские профессора могли реализовывать не только очно, посредством проведения систематических занятий или чтения публичных лекций, но и путем выступления в печати.

Сферу просвещения не следует сводить к проблеме распространения научных знаний. Здесь же стоит отметить участие преподавателей в деятельности музыкальных, театральных обществ.

Помимо индивидуального участия в просветительской деятельности, профессора рубежа XIX–XX вв. искали более стабильные и системные формы и механизмы просвещения общества (педагогическое общество при Московском университете, «Лига образования», «Педагогическая академия», народные университеты).

Хотя не всех представителей профессуры рассматриваемого периода можно с уверенностью относить к состоятельным слоям населения, благотворительность была широко распространена в университетских кругах. Можно выделить благотворительные инициативы в пользу университета (внесение средств на укрепление материальной базы кафедр и лабораторий, участие в пополнении фондов университетских библиотек и музеев) и внеуниверситетские благотворительные инициативы (участие в подписках, жертвование в пользу городских библиотек); к последним примыкает еще одна форма – платные публичные лекции, сбор с которых шел на благотворительные цели – помощь голодающим, раненым, воинам в военное время и пр.

Итак, в дореволюционный период многие университетские профессора и преподаватели занимались благотворительной деятельностью, принимавшей различные формы. Чаще всего объектом их благотворительности выступал сам университет; кроме того, откликаясь на драматичные события в городе, регионе, стране (голод, война), профессора и преподаватели старались оказать посильную помощь обществу.

В *третьем разделе* «Участие университетских профессоров и преподавателей в органах местного самоуправления» раскрывается тема вовлечения университетской общественности в деятельность городских дум и земств.

Еще с конца XVIII в. для российской общественной мысли была типична установка на то, что одним из способов «образованного класса» принести пользу является его участие в работе представительных органов власти.

После того, как во второй половине XIX в. в России возникли органы местного самоуправления, многие видные профессора и приват-доценты российских университетов стали участвовать в земском движении, избирались гласными городских дум.

Помимо приведения большого количества примеров из истории разных университетов, проведен подробный анализ деятельности профессоров Томского университета в работе Томской городской думы в конце XIX – начале XX в.

В думах сибирских городов на протяжении всего рассматриваемого периода доля купечества составляла 60–70 % от числа гласных. На этом фоне особняком стояла томская городская дума, которую, благодаря наличию среди гласных профессоров университета и технологического института, современники

называли «интеллигентной». Такой дума стала не сразу. По итогам выборов 1894 г. и 1898 г., порядка 65 % гласных были купцами. Перемены принесли выборы 1902 г., когда было избрано 53 гласных; из них 18 купцов, 7 почетных граждан, 5 учителей, 4 врача, 3 инженера, 3 мещанина, 3 чиновника, 3 присяжных поверенных (или помощника поверенного), 3 дворянина, 2 профессора, 1 инспектор ремесленного училища, 1 коммерческий советник. Выборы 1910 г. дали уже 5 мест (из 61) в думе профессорам университета. Всего в разные годы гласными томского городской думы становились 10 профессоров университета.

Показано, что деятельность в думе большинства профессоров-гласных была связана с их профессиональными интересами. Как гласные профессора преимущественно занимались вопросами образования, здравоохранения, благоустройства города.

Обращение к не очень продолжительной истории обновленного в 1870-х гг. российского городского самоуправления убеждает, что использование интеллектуальных способностей, навыков ведения цивилизованного спора профессоров университетов нельзя было не использовать в работе местных органов власти.

Не будет преувеличением сказать, что университет менял жизнь горожан. В некрупных городах университет еще и выступал в роли своеобразного средства преодоления провинциальности, приобщая жителей к новым формам интеллектуального развития и досуга.

Активное участие профессуры в городских делах, безусловно, укрепляло авторитет университетских людей в глазах общества.

Обращение университета к городу через предоставление горожанам возможности пользоваться имеющимся в университете интеллектуальным капиталом – зарекомендовавшая и имеющая перспективы модель взаимоотношений университета с окружающим сообществом.

Шестая глава «Гражданская активность профессоров и преподавателей российских университетов» посвящена общественно-политической составляющей в жизнедеятельности дореволюционных преподавателей.

В *первом разделе* «Идейный раскол профессуры: “правые” и “левые”» подчеркивается, что российское университетское преподавательское сообщество в рассматриваемый в диссертации период под влиянием Первой русской революции переживало невиданный прежде раскол на партии по идейно-политическим основаниям, причем многочисленные свидетельства позволяют сегодня с уверенностью утверждать, что в большинстве университетов «левая» профессура заметно численно преобладала над «правой», да и логика исторического процесса была на её стороне.

Поименно подсчитать и определились политические симпатии каждого университетского преподавателя едва ли сегодня представляется возможным, но составить представление о политических раскладах в тех или иных университетах к началу XX в. источники позволяют. Например, известен «Список личного состава администрации и профессоров С[анкт]-Петербургского университета с указанием кратких сведений о их прежней деятельности», впервые введенный в научный оборот А.Е. Ивановым (согласно списку, пятая часть всего

профессорско-преподавательского корпуса столичного университета в конце XIX в. находилась в поле зрения политической полиции и причислялась к категории неблагонадежных). В аналогичном списке со сведениями по Московскому университету неблагоприятные сведения содержатся о 44 % преподавателей.

В различных архивах нами были выявлены и другие подобные списки: в ЦГИАУ – «Список левых профессоров и приват-доцентов Новороссийского университета» (1906 г.), в НАРТ – «Список профессоров и преподавателей Императорского Казанского университета (принадлежащих к политическим партиям, обществам и союзам за период 1902–1908 гг.)». Эти документы подтверждают тезис о глубокой идейной поляризации внутри университетов.

Во *втором разделе* «Формы протестной активности профессоров и преподавателей. Реакция властей» на основании обобщения нескольких сот свидетельств предложена типологизация выражения политической оппозиционности университетскими преподавателями.

Формы политической активности разделены на две больших группы – внутриуниверситетскую и внеуниверситетскую. Первая включает в себя политизацию учебного процесса, «противозаконные контакты со студентами», участие в студенческом движении, сочувствие студенческому движению. Вторая – политизацию публичных лекций, публицистическую и издательскую деятельность, участие в собраниях, произнесение речей, подписание петиций, создание организаций, членство в политических партиях.

В основу этой классификации положены объекты и средства воздействия на окружающий мир со стороны политизированных университетских преподавателей. Допускаем, что возможны и иные классификации форм политической активности. Например, по степени радикализма или по идеологическим признакам.

Показана система контроля за «неблагонадежными» преподавателями, включая негласный надзор, а также надзор как со стороны «силовых», так и гражданских ведомств.

Делается вывод о том, что, несмотря на отдельные эксцессы (увольнения по политическим мотивам), в целом, реакцию властей на оппозиционность университетских преподавателей можно назвать не слишком жесткой.

В *третьем разделе* «Общественно-политическая активность “правой” профессуры» подробнее рассматриваются оппоненты «левого» большинства.

Лояльная власти профессура, как правило, декларировала ценности чистого академизма, и поэтому дольше, чем левая профессура воздерживалась от политической активности. Но в условиях политических катаклизмов идейная поляризация неминуемо привела к кристаллизации правых в университетской среде со свойственными им формами проявления гражданской активности.

С опорой на разнообразные свидетельства были выделены наиболее типичные элементы публичного поведения, характеризовавшие правую профессуру. К таким элементам следует отнести:

- осуждение участников студенческого движения;

– негативное отношение к проникновению «политики» в университет («академизм»);

– проявления лояльности по отношению к властям.

Говоря об активных формах проявления правыми профессорами своей позиции, следует выделить их «хождение во власть» (например, половина попечителей учебных округов и министров народного просвещения рассматриваемого периода являлись бывшими профессорами и преподавателями университетов), а также элементы самоорганизации – съезды правых профессоров, участие в общественных объединениях.

Нет оснований сомневаться в том, что общественно-политическая активность правых профессоров чаще всего была проявлением их искренней гражданской позиции. Вместе с тем обращают на себя внимание случаи, когда после падения монархии некоторые, прежде подчеркнуто лояльные по отношению к власти профессора, корректировали свою позицию.

В *четвертом разделе* «Профессура и “большая политика”. Участие университетских преподавателей в работе Государственного Совета и Государственной Думы» раскрывается деятельность университетских преподавателей в законодательных органах власти Российской империи.

При изменении государственно-политической системы, произошедшей в период Первой русской революции, в стране был создан двухпалатный парламент. Университетская общественность, заметно политизировавшаяся накануне и в годы революции, не могла остаться в стороне от такого важного и давно ожидаемого новшества одновременно и политической системы, и общественной жизни, как парламент.

Раскрыта многоуровневая процедура выборов в Госсовет от Академии наук и Российских университетов. Показана высокая конкуренция среди профессуры за право стать выборщиком членов Госсовета.

Всего за время работы Госсовета от Академии наук и университетов было избрано 18 членов; из них только от университетов – 13. Приведен списочный состав этих лиц по университетам: по 4 человека от Санкт-Петербургского и Московского, по 2 человека от Юрьевского и Казанского и 1 от Харьковского университета. По иным куриям или по назначению в Госсовете работало еще 15 университетских профессоров.

Академическая группа Госсовета принимала активное участие как в обсуждении вопросов общегосударственного значения (аграрный вопрос, амнистия), так и вопросов, входивших в сферу её служебно-профессиональных интересов (образование, просвещение, наука). Так, академическая группа инициировала создание комиссии по делам народного просвещения, поднимала проблему материального положения преподавателей, работала над составлением программы преподавания в создававшемся Статистическом институте.

Несколько больше университетских преподавателей стало депутатами Государственной Думы.

Всего в четырех созывах Государственных Дум работало 24 депутата, связанных в профессиональном отношении с российскими университетами (больше всего – 11 – в Думе первого созыва), 5 из них были депутатами двух

созывов. Помимо этого, среди депутатов было еще немало лиц (13 человек), имевших в прошлом отношение к университетской преподавательской корпорации.

Партийный состав университетской группы в Думе менялся, однако первенство сохранялось за кадетами – 16 депутатов, 4 «университетских» депутата были октябристами, 3 входили во фракцию правых, 1 – в польское коло.

В рассматриваемой группе депутатов из 24 человек 9 были юристами, 5 – историками, 4 – медиками, 2 – экономистами, 1 – математиком, 1 – агрономом, 1 – богословом, 1 – филологом.

По принадлежности к университетам эта группа депутатов распределяется следующим образом: 6 депутатов из Московского, 5 – из Казанского, 4 – из Санкт-Петербургского, 3 – из Св. Владимира, по 2 – из Новороссийского и Харьковского, по 1 – из Томского и Варшавского университета. В депутатском корпусе не были представлены только профессора и преподаватели Юрьевского и самого молодого Николаевского университетов.

Деятельность в Госдуме депутатов, вышедших из университетской среды, преимущественно концентрировалась на учебных проблемах, но нередко они обращались к более широкой проблематике.

Проведенный анализ общественно-политических настроений университетского преподавательского сообщества позволяет утверждать, что императорские университеты, несмотря на этот знаковый и ко многому обязывавший элемент своего названия – Императорские (!) –, представляли в лице преподавательского состава, в большей степени, оппозицию по отношению к власти, действовавшей в России до февраля 1917 г.

Заключительная **седьмая глава** диссертации «Профессиональная идентичность представителей профессорско-преподавательского корпуса» посвящена специфике университетских преподавательских сообществ как профессиональных коллективов.

В *первом разделе* «Проявления профессиональной идентичности» осуществлено выявление форм проявления профессиональной идентичности университетских профессоров и преподавателей России рубежа XIX–XX вв. к ним отнесены: активное участие в обсуждении «университетского вопроса»; шаги к самоорганизации; наличие схожих этических принципов – по нашему мнению, позволяют говорить об университетском сообществе как об особой корпорации.

Важно подчеркнуть осознание самими профессорами ценности своей корпоративности. Особенно много об этом писал московский профессор С.Н. Трубецкой: «Когда профессора перестают составлять организованную корпорацию, университет может быть внешним соединением весьма многих и разнообразных кафедр, представляемых более или менее учеными чиновниками ведомства народного просвещения, но он перестает быть университетом, т.е. живым академическим союзом»²⁰.

Проанализировав суждения профессоров об университете, мы можем утверждать, что для большинства профессоров было характерно возведение

²⁰ Трубецкой С.Н. По поводу правительственного сообщения о студенческих беспорядках // Собрание сочинений кн. Сергея Николаевича Трубецкого. Т. 1. М., 1907. С. 6.

университета как социального явления на наивысшую ступень общественной и государственной жизни. Такое отношение к месту службы утверждало в профессорах убежденность в исключительной важности для общества и их труда. Как правило, профессора выступали поборниками просвещения и широкого распространения университетского знания. Высоко оценивая феномен университета, профессура, в большинстве своем, тяготилась любыми формами внешнего давления на него. Тема автономии часто становилась лейтмотивом публицистических работ по университетскому вопросу. Большинство представителей университетской корпорации тяжело переживало ограничение самостоятельности университетов, последовавшее за вступлением в силу университетского устава 1884 г., и требовало расширения академических свобод. Скептическое же отношение к автономии звучало из уст «правой» профессуры. С опорой на проанализированные источники можно утверждать, что болезненное отношение профессорского большинства к ограничению автономии было связано с тем, что это воспринималось ими как демонстрация недоверия к ним со стороны государства и било по их самолюбию. Решение университетского вопроса многим профессорам виделось именно в восстановлении широкой автономии как демонстрации доверия между университетской общественностью и властью. Профессорская публицистика позволяет сделать важные наблюдения относительно представлений университетской общественности о внешних границах своей корпорации: с одной стороны, профессура ощущала свое отличие от учительства, а с другой – стремилась подчеркивать отличие от чиновничества.

Продемонстрированный в начале XX в. опыт самоорганизации университетских преподавателей позволяет говорить об их организационной зрелости.

Система ценностей университетского преподавателя строилась на идеях примата ценностей служения науке и обществу, бескорыстия, свободы и личного достоинства. Составной частью преподавательского ценностного набора стоит признать следование нормам научной и корпоративной этики.

Однако всё выше перечисленное рисует, скорее, модельный, идеальный образ дореволюционного преподавателя.

Во *втором разделе* «Специфика взаимоотношений внутри профессорско-преподавательских коллективов. Между товариществом и враждой» подчеркивается, что анализ специфики реальных (а неидеальных) взаимоотношений внутри профессорско-преподавательской корпорации приводит к выводу о том, что, как в любой сложной системе, спектр моделей отношений между преподавателями был широким – от тесной дружбы, когда отношения выходили за рамки служебных, до продолжительной вражды. Хотя поддержание ровных, деловых отношений между членами преподавательского сообщества, предписываемое нормами корпоративной этики, как правило, соблюдалось, источники изобилуют сообщениями о конфликтах внутри корпорации, часто бывшими следствием личной неприязни. На наш взгляд, с точки зрения профессиональной деятельности преподавательские конфликты рубежа XIX–XX вв. можно разделить на происходившие на а) учебной, б) научной, в) организационной почве. Применяв другую типологизацию, в основание

которой положены базовые причины конфликтов, получим конфликты, порожденные следующими обстоятельствами: а) уязвленным самолюбием вследствие обвинений/намеков/подозрений в некомпетенции, б) нарушением научной или корпоративной этики, в) нарушением субординации, что можно назвать частным случаем нарушения корпоративной этики, г) столкновением интересов.

Конфликтность часто сопровождалась отступлением от норм корпоративной этики и, вообще, некорпоративным поведением университетских преподавателей. Например, профессорская солидарность часто ограничивалась партийными интересами. Однако подчеркнем, что нормы могли порой нарушаться, но они не менялись, а корпоративные интересы, в конечном итоге, преобладали над «партийными».

В *третьем разделе* «Особенности университетских преподавательских сообществ» на основании обобщения проанализированного материала выделены следующие отличительные черты отечественной университетской преподавательской корпорации конца XIX – начала XX в.: относительно слабая конкуренция; использование корпоративной атрибутики; иерархичность; расколотость; двойная идентичность.

Некоторые из перечисленных черт звучат «кризисно» (расколотость корпорации, двойная идентичность её членов). Однако, на наш взгляд, это черты лишь демонстрируют сложность и многослойность университетской преподавательской корпорации. В целом же её можно назвать одной из самых своеобразных и устойчивых профессиональных корпораций в дореволюционной России.

В **заключении** подведены итоги исследования.

На рубеже XIX–XX вв. университеты оказались местом, где разворачивались и переплетались кризисы, сопровождавшие излёт имперской эпохи. Сквозные вопросы, ответы на которые прослеживаются во всех главах настоящего исследования, это вопросы о том, как вел себя в кризисных условиях рубежа XIX–XX вв. университетский человек, уцелел ли он как коллективное явление в этом кризисе, или в рассматриваемый период мы имеем дело с финалом отечественного классического университета и вымиранием типажа «классического университетского профессора».

В последние десятилетия существования Российской империи жизнь университетских преподавателей определялась целой серией противоречий.

Это были противоречия между:

– корпоративными традициями профессуры и государственным характером университета;

– полноправными штатными профессорами и всё более возрастающей группой приват-доцентов, не имевших возможностей напрямую влиять на университетские дела;

– профессорско-преподавательским корпусом и студенчеством, часто по-разному смотревшими на положение учащихся в учебном заведении;

– группами «левых» и «правых» преподавателей, расходившихся по идеологическим основаниям.

Трения на профессиональной или межличностной почве, разумеется, случаются во всякие исторические периоды, но именно в рассматриваемые десятилетия четыре выше обозначенных обстоятельства приобрели новое качество. Противостояние профессорских советов и государства обострилось после вступления в силу урезавшего автономию университетского устава 1884 г.; тот же устав «даст зеленый свет» широкому распространению приват-доцентуры, что породит проблему «двух корпораций» в одном университете; профессорско-студенческие отношения будут омрачены студенческим движением, необычайно развернувшимся именно с конца XIX в.; идейное размежевание преподавателей полным цветом расцветет также только в эпоху русских революций.

Таким образом, с точки зрения глубины противоречий, ситуацию в отечественных университетах конца XIX – начала XX в. следует признать уникальной для своего времени.

Процессы, протекавшие в названный период с профессорско-преподавательским корпусом российских университетов, можно свести к трем тенденциям.

Тенденция первая: отстаивание профессурой корпоративных принципов. Несмотря на принятый в 1884 г. новый устав российских университетов, профессура, чьи возможности управления учебным заведением оказались ограничены, на протяжении всего рассматриваемого периода не прекращала предпринимать шаги в направлении отстаивания своих корпоративных прав, что им, по большому счету, удавалось – во всяком случае – на революционной волне 1905 года.

«Университетскими чиновниками» профессора так и не стали, с чем профильное министерство было вынуждено смириться, и, несмотря на казенный характер того учреждения, где несли службу отечественные профессора, они на рубеже XIX–XX вв. во многом сохраняли привилегированное положение в отношении вопросов самоуправления.

Однако достигнутый успех несколько нивелировался второй тенденцией.

Тенденция вторая: внутренняя демократизация. Она выражалась в постепенной, но очевидной растрате профессурой монопольного права на решение университетских дел. И это было связано уже не с проблемой автономии, а касалось отношений профессоров со студентами, а также – феномена приват-доцентуры.

Создаваемые веками порядки университетской жизни, в том числе патерналистская модель отношений преподавателей и студентов, не могли оставаться неизменными в модернистских условиях начала XX в. После серии масштабных студенческих забастовок, определявших текущую ситуацию в учебных заведениях, идея участия студентов в решении университетских дел уже не казалась невозможной.

Возникновение в университетах обширной категории преподавателей «второго сорта» – приват-доцентов, не обладавших достаточными служебными правами, породило ситуацию конфронтации и борьбы последних за влияние на университетскую жизнь. Допущение приват-доцентов в университетские Советы, произошедшее в 1917 г., а также возвращение штатной доцентуры,

последовавшее за окончанием имперского периода, указывало на углубление процесса демократизации университетов.

Тенденция третья: изменение внешней роли преподавателя. Протекавшая в России модернизация, сопровождавшаяся в том числе заметным усилением роли науки, меняла социальную роль университетского преподавателя. Из кабинетного или аудиторного ученого-лектора он превращался в эксперта, публициста, общественного деятеля, политика, предпринимателя, играя тем самым всё большую роль, как в жизни университетского города, так и в жизни всей страны.

Особенно важно подчеркнуть то, что университеты не просто откликнулись на новые явления; некоторые явления (принципы, процессы, настроения) именно здесь и формировались: университетская корпорация долгое время оставалась единственной профессиональной группой в России, складывавшейся посредством конкурса и принципа выборности; задолго до учреждения в России парламента, его прообраз можно было разглядеть в деятельности университетских Советов; именно в вузовских кругах зародилась партия кадетов, которую современники называли «профессорской», видную роль профессура играла в «Союзе 17 октября».

К чему привели эти три тенденции? Как они изменили университетского человека?

С одной стороны, выявленные формы проявления профессиональной идентичности университетских профессоров и преподавателей, такие как их активное участие в обсуждении «университетского вопроса», шаги к самоорганизации, наличие схожих этических принципов, позволяют говорить, применительно к рассматриваемому периоду, об университетском сообществе как об особой корпорации.

С другой стороны, следует признать, что «единая профессорско-преподавательская корпорация» – это весьма умозрительная модель, в которой, как минимум, необходимо выделять «костяк» и «периферию». Можно определенно говорить о существовании сложившейся профессорской корпорации с примыкавшей к ней группой приват-доцентов, которые читали обязательные курсы. Такие приват-доценты, как правило, желали интегрироваться в профессорскую среду, их образ жизни, стиль профессионального поведения напоминали профессорский. Параллельно им существовали университетские аутсайдеры – приват-доценты, читавшие необязательные курсы, а также лекторы, которые, хотя и находились в штате, но не были наделены корпоративными правами (не входили в университетские советы) и потому, за редким исключением, не составляли костяк сообщества.

При этом надо заметить, что географические масштабы империи не очень заметно сказывались на региональных особенностях преподавательских составов десятка российских университетов. И, несмотря на региональную специфику социального происхождения, кадрового состава профессоров и преподавателей разных российских университетов, объединяющих их черт было гораздо больше.

Любое профессиональное сообщество существует в исторически обусловленных формах и отвечает на вызовы времени. Можно предположить, что при сохранении в России после 1917 г. имперского, или «февральского» строя

университетское профессиональное сообщество имело шанс на сохранение своих базовых черт и наметившихся на рубеже веков тенденций развития, однако оно естественным (или противоестественным) образом радикально изменится в советскую эпоху.

Вместе с тем несомненно и то, как в советское, так и в современное постсоветское время, представители университетских преподавательских сообществ обладали и обладают некоторыми чертами, роднящими их с дореволюционными предшественниками.

Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с поиском преемственности отечественных университетских сообществ разных исторических эпох, с другой стороны – с распространением примененных в настоящем диссертационном исследовании приемов и методов изучения дореволюционного университетского профессорско-преподавательского корпуса на всё научно-педагогическое сообщество высшей школы России XIX – начала XX в., а также – со сравнительными исследованиями отечественной и зарубежной (западноевропейской, американской, азиатской) профессурой этого периода.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Грибовский М. В.** Профессура и студенчество в предреволюционном русском университете: грани взаимоотношений / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 4 (12). – С. 158–166. – 0,67 а.л.

2. **Грибовский М. В.** Политический надзор над профессорами и преподавателями российских университетов в конце XIX – начале XX века / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1 (13). – С. 25–30. – 0,55 а.л.

3. **Грибовский М. В.** Профессиональные контакты Г. Н. Потанина и В. В. Сапожникова в конце XIX – начале XX в. / М. В. Грибовский, С. А. Меркулов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 2 (14). – С. 60–64. – 0,55 / 0,3 а.л.

4. **Грибовский М. В.** Материальный достаток профессоров и преподавателей университетов России в конце XIX – начале XX в. / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 76–80. – 0,64 а.л.

5. **Грибовский М. В.** Отечественные университеты на рубеже XIX–XX вв. как фактор модернизации России / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 353. – С. 63–66. – 0,55 а.л.

6. **Грибовский М. В.** Феномен приват-доцентуры в российских университетах конца XIX – начала XX вв. / М. В. Грибовский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». – 2012. – № 2. – С. 103–108. – 0,57 а.л.

7. **Грибовский М. В.** Документы по истории профессорско-преподавательского корпуса отечественных университетов рубежа XIX–XX вв. в российских и зарубежных архивах / М. В. Грибовский // Отечественные архивы. – 2012. – № 3. – С. 53–60. – 0,59 а.л.

8. **Грибовский М. В.** Участие профессоров и приват-доцентов российских университетов в работе Государственных дум в начале XX в. / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 5 (25). – С. 46–51. – 0,67 а.л.

9. Fominykh S. F. Corporate identity of national university lecturers at the end of the XIX – the beginning of the XXI century: The study concept / S. F. Fominykh, **M. V. Gribovskiy**, A. N. Sorokin // Siberian Historical Research. – 2013. – Is. 1. – P. 67–78. – 1 / 0,35 а.л. (*Scopus*)

10. **Gribovskiy M. V.** Teachers' Corporation of the Russian Universities in the First World War: Features of Everyday Life and Interrelations / M. V. Gribovskiy, A. N. Sorokin // *Bylye Gody*. – 2014. – Vol. 33, is. 3. – P. 341–347. – 0,8 / 0,4 а.л. (*Scopus*)

11. **Грибовский М. В.** Профессора Томского университета – гласные городской думы (конец XIX – начало XX в.) / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 2 (28). – С. 18–23. – 0,51 а.л.

12. **Gribovskiy M. V.** «Left» university professors' political activity in Russia in the late 19th – Early 20th centuries / M. V. Gribovskiy // *Novyj istoriceskij vestnik*. – 2015. – Vol. 44, is. 2. – P. 54–71. – 1,15 а.л. (*Scopus*)

13. **Gribovskiy M. V.** The public lectures of university professors as a phenomenon of urban life in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries / M. V. Gribovskiy // *Novyj istoriceskij vestnik*. – 2017. – Vol. 52, is. 2. – P. 57–71. – 0,96 а.л. (*Scopus*)

14. **Грибовский М. В.** Замещение профессорских должностей в российском дореволюционном университете: назначение vs выборы / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 71–76. – DOI:10.17223/15617793/423/9. – 0,71 а.л.

Web of Science: **Gribovskiy M. V.** Filling professorial positions in the Russian pre-revolutionary university: appointment vs elections / M. V. Gribovskiy // Tomsk state university journal. – 2017. – Vol. 423. – P. 71–76.

15. **Грибовский М. В.** «Не дело студентов назначать себе преподавателей»: Конфликты между профессорами и студентами российских университетов на рубеже XIX–XX вв. / М. В. Грибовский // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 424. – С. 67–73. – DOI: 10.17223/15617793/424/9. – 0,82 а.л.

Web of Science: **Gribovskiy M. V.** «It is none of students' business to appoint teachers themselves»: conflicts between professors and students of Russian universities at the turn of the 20th century / M. V. Gribovskiy // Tomsk state university journal. – 2017. – Vol. 424. – P. 67–73.

16. **Грибовский М. В.** Профессорский гононар как зеркало университетского вопроса конца XIX – начала XX века / М. В. Грибовский // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2018. – Вып. 62. – С. 144–163. – 1,37 а.л. (*Web of Science*)

17. Nekrylov S. The Siberian professoriate in the late 19th and early 20th century: a social and political profile / S. Nekrylov, **M. Gribovskiy** // *Novyj istoriceskij vestnik*. – 2018. – Vol. 55, is. 1. – P. 21–37. – 0,84 / 0,42 а.л. (*Scopus*)

Статьи в зарубежных научных изданиях, индексируемых Web of Science:

18. **Gribovskiy M. V.** The First World War and Russian university teaching community: everyday life of wartime / M. V. Gribovskiy // International multidisciplinary conference on social sciences and arts conference (SGEM 2014). Anthropology, archeology, history, philosophy: conference proceedings. Albena, Bulgaria, September 01–10, 2014. – Sofia, Bulgaria, 2014. – P. 631–637. – 0,58 а.л. (*Web of Science*)

19. **Gribovskiy M. V.** University teaching community of Russia late XIX – early XX centuries: forms of manifestation of corporate identity / M. V. Gribovskiy, A. N. Sorokin // International multidisciplinary conference on social sciences and arts conference (SGEM 2014). Anthropology, archeology, history, philosophy: conference proceedings. Albena, Bulgaria, September 01–10, 2014. – Sofia, Bulgaria, 2014. – P. 291–296. – 0,56 / 0,3 а.л. (*Web of Science*)

20. Sorokin A. N. Corporate identity of Russian educational scientific community: analyzing the research approaches / A. N. Sorokin, **M. V. Gribovskiy**, A. V. Solonenko // International multidisciplinary conference on social sciences and arts conference (SGEM 2014). Anthropology, archeology, history, philosophy: conference proceedings. Albena, Bulgaria, September 01–10, 2014. – Sofia, Bulgaria, 2014. – P. 459–465. – 0,6 / 0,2 а.л. (*Web of Science*)

21. **Gribovskiy M. V.** The university professordom and student movements in Russia at the turn of the XIX and the XX centuries / M. V. Gribovskiy // 2nd International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts (SGEM 2015). Anthropology, archeology, history, philosophy: conference proceedings. Albena, Bulgaria, August 26 – September 01, 2015. – Sofia, Bulgaria, 2015. – P. 495–501. – 0,55 а.л. (*Web of Science*)

22. **Gribovskiy M. V.** Modernizing potential of the university. A Russian case in the context of European experience / M. V. Gribovskiy // 3rd International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts (SGEM 2016). Anthropology, archaeology, history and philosophy: conference proceedings. Vienna, Austria, April 06–09, 2016. – Sofia, Bulgaria, 2016. – P. 155–161. – 0,48 а.л. (*Web of Science*)

Монография:

23. Потапов А. И. Очерки по истории психиатрической помощи в городе Томске (к 100-летию психиатрической больницы) / А. И. Потапов, А. П. Агарков, **М. В. Грибовский**, С. А. Некрылов. – Томск: Изд-во ООО «Компания «Милон», 2008. – 342 с. – 21,38 / 5,5 а.л.

Документальные издания:

24. Фоминых С. Ф. История профсоюзной организации Томского государственного университета в документах и материалах (1905–2005 гг.) / С. Ф. Фоминых, А. С. Ульянов, С. А. Некрылов, **М. В. Грибовский**, К. В. Зленко, С. В. Лощанов, И. Б. Делич, А. В. Литвинов. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2005. – 218 с. – 15,75 / 1,97 а.л.

25. **Грибовский М. В.** Профессорско-преподавательский корпус российских университетов 1884–1917 гг.: исследования и документы / М. В. Грибовский, Н. Н. Никс, Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов [и др.]. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2012. – 372 с. – 23,23 / 1,2 а.л.

26. Фоминых С. Ф. Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, **М. В. Грибовский**, А. В. Литвинов, С. А. Меркулов, И. А. Дунбинский. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2014. – 508 с. – 31,5 / 5 а.л.

Энциклопедическое издание:

27. Энциклопедия Томской области: в 2 т. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – Т. 1: А–М; Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Т. 2: Н–Я. – 1000 с. – 62,5 / 0,23 а.л.

Биографические словари:

28. Фоминых С. Ф. Выдающиеся выпускники Томского государственного университета / С. Ф. Фоминых, С. А. Некрылов, **М. В. Грибовский** [и др.]. – Томск: Томский государственный университет, 2013. – 316 с. – 27,6 / 4 а.л.

29. Фоминых С. Ф. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): биографический словарь / С. Ф. Фоминых, **М. В. Грибовский**, С. А. Некрылов, Г. И. Мендрина, А. И. Венгеровский, В. В. Новицкий. – Томск: изд-во Том. ун-та, 2013. – Т. 1. – 488 с.; Томск: изд-во Том. ун-та, 2014. – Т. 2. – 574 с. – 66,4 / 11,1 а.л.

Статьи в прочих научных изданиях:

30. **Грибовский М. В.** Источники по истории Томской областной клинической психиатрической больницы (к 100-летию со дня открытия) / М. В. Грибовский // Документ в системе социальных коммуникаций: сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск, 25–26 октября 2007 г. – Томск, 2008. – С. 263–266. – 0,18 а.л.

31. Некрылов С. А. Начало формирования музейных и ботанических коллекций первого в Азиатской России Сибирского (Томского) университета (конец 1870-х – 1888 г.) / С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк, С. А. Меркулов, И. Б. Делич, К. В. Зленко, А. Н. Сорокин, А. В. Литвинов, **М. В. Грибовский**, И. А. Дунбинский // Томские музеи: сборник документов и статей. – Томск, 2010. – С. 3–40. – 2,88 / 0,29 а.л.

32. **Грибовский М. В.** Выпускники Дерптского (Юрьевского) университета / М. В. Грибовский // III Исторические чтения Томского института Академии ВЭГУ: материалы международной научно-практической конференции. Томск, 24–25 марта 2010 г. – Томск – Уфа, 2010. – С. 22–30. – 0,36 а.л.

33. **Грибовский М. В.** Благотворительная деятельность профессоров и преподавателей российских университетов в конце XIX – начале XX века / М. В. Грибовский // III Исторические чтения Томского государственного педагогического университета: материалы международной научной конференции. Томск, 11–12 ноября 2010 г. – Томск, 2011. – С. 72–76. – 0,38 а.л.

34. **Грибовский М. В.** Киевский университет и томская медицинская профессура / М. В. Грибовский // Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Томск, 21–24 ноября 2010 г. – Томск, 2011. – С. 159–168. – 0,36 а.л.

35. **Грибовский М. В.** Дерпт в судьбе томской медицинской профессуры (конец XIX – середина XX вв.) / М. В. Грибовский // IV Исторические чтения Томского института Академии ВЭГУ: материалы международной научно-практической конференции. Томск, 24–25 марта 2011 г. – Томск – Уфа, 2011. – С. 33–41. – 0,39 а.л.

36. **Грибовский М. В.** Российская университетская преподавательская корпорация и «национальный вопрос» (конец XIX – начало XX вв.) / М. В. Грибовский // Мультикультурная и многонациональная Россия: материалы IV Международной междисциплинарной конференции, посвященной памяти заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой. Москва, 19 ноября 2011 г. – М., 2011. – Ч. 1: Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: II половина XIX – начало XXI века. – С. 59–73. – 0,59 а.л.

37. **Грибовский М. В.** «Труды Высочайше утвержденной комиссии по преобразованию высших учебных заведений» (1903 г.) как источник по истории университетского профессорско-преподавательского корпуса России начала XX века / М. В. Грибовский // Документ: история, теория, практика: сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Томск, 27–28 октября 2011 г. – Томск, 2012. С. 440–445. – 0,33 а.л.

38. Некрылов С. А. Музеи Томского университета (1888–1941 гг.) / С. А. Некрылов, С. Ф. Фоминых, С. А. Меркулов, К. В. Зленко, А. В. Литвинов, **М. В. Грибовский**, И. А. Дунбинский, А. Н. Кузьмин // Томские музеи. Музеи университетов: Материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». – Томск, 2012. – С. 5–26. – 1,7 / 0,2 а.л.

39. Свешникова В. Л. Минералогический музей им. И. К. Баженова / В. Л. Свешникова, **М. В. Грибовский** // Томские музеи. Музеи университетов: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». – Томск, 2012. – С. 187–191. – 0,32 / 0,2 а.л.

40. **Грибовский М. В.** Академические связи Тарту и Томска: Дерптский университета и томская профессура в досоветский период / М. В. Грибовский // V Исторические чтения Томского института Академии ВЭГУ: материалы международной научно-практической конференции. Томск, 26–27 марта 2012 г. – Томск – Уфа, 2012. – С. 58–68. – 0,53 а.л.

41. **Грибовский М. В.** «Польский след» в судьбах томской медицинской профессуры конца XIX – начала XXI вв. / М. В. Грибовский // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Международной научной конференции Томск, 03–05 июня 2012 г. – Томск, 2012. – С. 105–111. – 0,44 а.л.

42. **Грибовский М. В.** Профессорские совещания как форма обсуждения проблем университетской жизни в начале XX в. / М. В. Грибовский // Мультикультурная и многонациональная Россия: V Батаевские чтения: материалы международной междисциплинарной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки, почетного профессора РУДН, академика МАН ВШ Тамары Васильевны Батаевой. Москва, 16 ноября 2012 г. – М., 2013. – Ч. 1: Актуальные проблемы отечественной истории и исторической науки: II половина XIX – начало XXI века. – С. 210–227. – 0,68 а.л.

43. **Грибовский М. В.** «Польский вопрос» и российская университетская преподавательская корпорация конца XIX – начала XX в. / М. В. Грибовский //

Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: материалы международной научной конференции. Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г. – Новосибирск, 2013. – С. 89–94. – 0,32 а.л.

44. **Грибовский М. В.** Роль германских научно-образовательных центров в обеспечении академической мобильности российских университетских преподавателей конца XIX – начала XX вв. / М. В. Грибовский // Международная научно-историческая конференция имени академика Л. Блюментроста : сборник трудов. Берлин, Германия, 15–18 мая 2013 г. – Берлин, 2013. – № 1. – С. 65–73. – 0,42 а.л.

на нем. яз.: **Gribowskij M. W.** Die Rolle der deutschen wissenschaftlichen Zentren in der akademischen Mobilität von russischen Hochschullehrkräften Ende des XIX. Jh. – Anfang des XX. Jh. / M. W. Gribowskij // Internationale wissenschaftlich-historische Academiemitglied L. Blumentrost Konferenz : Sammlung der Werke. Berlin, Deutschland, Mai 15–18, 2013. – Berlin, 2013. – № 1. – S. 68–76.

на англ. яз.: **Gribovskiy M. V.** The role of German scientific-educational centers in academic mobility of university teachers in Russia at the end of the 19th – beginning of the 20th century / M. V. Gribovskiy // International scientific and historical conference named after academician L. Blumentrost : proceedings. Berlin, Germany, May 15–18, 2013. – Berlin, 2013. – № 1. – P. 72–79.

45. Фоминых С. Ф. Повседневная жизнь И. А. Малиновского в Томске (1898–1913 гг.) [Электронный ресурс] / С. Ф. Фоминых, **М. В. Грибовский**, С. А. Некрылов // Часопис Національного університету «Острозька академія». Серія «Право». – 2013. – № 2 (8). – 18 с. – URL: <https://lj.oa.edu.ua/articles/2013/n2/13fsfihh.pdf> (дата обращения: 15.05.2018). – 0,69 / 0,23 а.л.

46. Грибовский М.В., Фоминых С.Ф., Некрылов С.А. Университеты Украины в судьбах профессоров-юристов Томского университета в дореволюционный период // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції «Малиновські читання». Острог, 15–16 листопада 2013 року. – Острог, 2013. – С. 41–48. – 0,64 / 0,25 а.л.

47. **Грибовский М. В.** «Младшие» и «старшие» преподаватели: взаимоотношения в преподавательском коллективе российских университетов конца XIX – начала XX в. / М. В. Грибовский // Философско-педагогическая концепция С. И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры: сборник научных трудов всероссийской научно-практической конференции с международным участием – традиционных Четвертых Гессеновских чтений, посвященных 125-летию со дня рождения С. И. Гессена. Томск, 25–26 октября 2013 г. – Томск, 2014. – С. 17–21. – 0,33 а.л.

48. **Грибовский М. В.** Идеологический раскол внутри университетской преподавательской корпорации в начале XX века / М. В. Грибовский // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета. Казань, 27–29 ноября 2014 г. – Казань, 2014. – С. 300–304. – 0,26 а.л.

49. **Грибовский М. В.** Университетское преподавательское сообщество России конца XIX – начала XX века: формы проявления корпоративной идентичности / М. В. Грибовский // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации: сборник научных статей по материалам международной междисциплинарной научной конференции. Томск, 14–15 октября 2014 г. – Томск, 2015. – С. 261–271. – 0,64 а.л.

50. **Грибовский М.** Отражение «польского вопроса» в университетской истории Российской империи рубежа XIX–XX вв. / М. Грибовский // Naukav Polscel Rosji. Miejsca wspólnе, miejscaróżne. – Warszawa, 2016. – S. 75–84. – 0,63 а.л.

51. **Грибовский М.** Польский фактор в судьбах томской медицинской профессуры конца XIX – начала XXI веков / М. Грибовский // Syberia. Wizje literackie – wizje dokumentalne. – Warszawa, 2017. – S. 55–63. – 0,49 а.л.

52. **Грибовский М. В.** Лекция как форма организации учебного процесса глазами университетских профессоров и студентов конца XIX – начала XX вв. / М. В. Грибовский // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова): VII Арсентьевские чтения. Чебоксары, 12–14 октября 2017 г. – Чебоксары, 2017. – Т. 1. – С. 143–147. – 0,27 а.л.

Подписано в печать 25.06.2018 г. Тираж 180 экз.
Кол-во стр. 44. Заказ 1254
Бумага офсетная. Формат А5. Печать RISO.
Отпечатано в типографии ООО «Графика М»
634034, г. Томск, ул. Усова 3.
Тел. 56-56-12